

ЗАПРЕТ

Фантастический рассказ

Рисунок В. КОЛТУНОВА

По мере того как Стигс осторожно развивал свою мысль, лицо шефа хмурилось все больше и больше.

— Левоспиральные фотоны! — перебил он, наконец, Стигса. — Да, да, я понял: вы собираетесь искать левоспиральные фотоны. Почему бы вам заодно не поискать принцип вечного двигателя? Или координаты райских врат? Вы что, книги Гордона не читали?

— Я читал Гордона, — стараясь сохранить спокойствие, проговорил Стигс. — Опыты были поставлены восемнадцать лет назад, когда не был известен «эффект Борисова». Теоретически есть надежда...

— Теоретически! — шеф уже не скрывал раздражения. — А деньги на эксперимент я должен давать практически. Два миллиона.

— Миллион. Два миллиона стоили опыты Гордона. «Эффект Борисова» позволяет...

— Это я слышал. Вы как будто забываете, кто такой Гордон. Или вы полагаете, что он не познакомился с «эффектом Борисова»? Гордон велик не только тем, что создал единую теорию поля. Известно ли вам, что он ни разу не ошибался в своих выводах и предсказаниях? Известно ли вам, наконец, что опыты Гордона по левоспиральным фотонам повторяли, пробуя все мыслимые варианты, Фьюа, Шеррингтон, Бродецкий — лучшие экспериментаторы мира! И ни-че-го! Левоспиральные потоки света — это миф, теплород, философский камень, мираж...

Шефу было под шестьдесят, резкие морщины, как ни странно, молодили его, а не старили, костюм на нем был преотличный, но все это не имело ни малейшего значения. Кем бы ни был

человек, сидящий в этом кресле, как бы он ни одевался, главным было то, что он распоряжался ассигнованиями, управлял многосотенным коллективом, был администратором и в этом качестве не мог поощрять авантюры, стоящие денег. И даже просто сомнительное не могло рассчитывать на его благосклонность. Естественно, что он был взбешен. Но Стигс не терял надежды. Он предпочел бы не иметь дела с шефом, но и великому Гордону приходилось в свое время уламывать таких же вот администраторов. Интересно, стал бы Гордон великим, если бы ему это не удалось?

— По-моему, все ясно, Стигс, — жестко заключил шеф и пододвинул к себе папку с бумагами, давая понять, что аудиенция закончена.

— Но вы не посмотрели отзыв Ван-Мерля! — воскликнул Стигс.

— Ван-Мерля? Да у меня завтра же будет десять отзывов виднейших профессоров, и в каждом будет сказано то же, что я вам сказал! Идите, Стигс, занимайтесь делом.

Стигс встал и почувствовал, что у него дрожат руки.

— Еще одно только слово...

Шеф поднял голову.

— Пожалуйста, только без громких фраз о величии проблемы, необходимости риска и тому подобного оперения.

— Нет, я не об этом. Что, если... что, если сам Гордон скажет: опыты ставить надо?

— Са-ам?

Шеф удивленно откинулся на спинку кресла. Постучал кончиком ногтей друг о друга. Изучающе посмотрел на Стигса.

— Думаете переубедить Гордона? М-да... Примет ли он еще вас...

— Примет, — Стигсу показалось, что он ступил на тоненький лед.

— Ну, если Гордон... Тогда посмотрим.

«...Какое счастье, что Гордон еще не умер! — подумал Стигс, подходя к загородному коттеджу великого физика. — Если бы он умер, спорить пришлось бы не с ним, а с его авторитетом. А авторитет не берет своих слов назад».

Стигс подбадривал самого себя. Вчера после разговора с шефом он десять раз поднимал трубку и десять раз клал ее обратно, прежде чем набрал номер Гордона. Вопреки всем ожиданиям тот согласился сразу. Сразу! Вот что значит настоящий ученый. Болен, стар, замкнут — и сразу же отзывается на мольбу о помощи! Именно так скорей всего прозвучало его объяснение по телефону, которое Гордон выслушал молча и на которое минуту спустя — Стигс чуть не умер — коротко ответил: «Жду вас завтра в девять».

Завтра! В девять! Ждет! Он, живая легенда, ждет его, Стигса, рядового из рядовых! Ночь Стигс провел тревожно, обдумывая каждое слово, каждую интонацию, взлетая как на качелях от отчаяния к уверенности, что все будет хорошо.

И вот теперь, у самых ворот, протянув руку к кнопке звонка, он с ужасом ощутил, что его голова пуста. Он забыл все, что

хотел сказать, он не может связать двух слов, он не может двинуться с места!

Уф! Стигс опустил руку. Спокойно, спокойно... Ведь кто такой Гордон? Гений, равный Эйнштейну, но не папа же римский, не бог — ученый, человек... У него болят почки, он любит сажать розы, он безукоризненно честен и, говорят, добр.

Стигс даже не заметил, что жмет кнопку изо всех сил. Он не помнил, как распахнулись ворота, как кто-то провел его в комнаты, что-то на ходу ему втолковывая, как он снял плащ, как переступил порог...

— Здравствуйте. Садитесь.

Гордон полулежал в кресле, и все равно Стигсу показалось, что тот возвышается над ним. Возвышается его голова, величественная, как купол собора, возвышаются его плечи, а грива седых волос — та и вовсе плывет облачком к недоступной вышине. И взгляд как будто издалека, от мерцающих льдов великих мыслей, взгляд, видящий сокровенные тайны природы и туманные просторы вечности. Он сам уже принадлежал вечности, бронзе истории, этот светлый, отрешенный взгляд.

— Рассказывайте.

Гордон шевельнулся и поправил плед, которым были прикрыты колени. Стигс заговорил, не слыша собственного голоса.

Минуты через три Гордон прервал его слабым движением руки.

— Понятно. Это не ваша ли статья была два года назад в «Анналах физики»?

— Моя... — у Стигса пересохло в горле.

— Вы красиво решили проблему флюктуирования гравитонов. Почему вы не продолжили работы в этой области?

— Потому что... Потому что я увидел оттуда мостик к левоспиральным фотонам...

— И это вас увлекло? Вы ни о чем другом не можете думать?

— Да... То есть... Не сами фотоны, а то, что за этим стоит...

— Что же за этим стоит?

Стигс ошеломленно посмотрел на Гордона. Проверяет? Смеется? Играет как кошка с мышью?

— Движение против хода времени, — выдавил он.

— А еще?

Стигс окончательно растерялся. Еще? Что еще? Какое «еще» он, великий, видит там, в своей вечности? Какие тайны открыты его уму, какие сокровенные свойства природы он прозревает за этим словом? Какие?!

Гордон едва слышно вздохнул.

— Хорошо. Как, по-вашему, в чем цель науки?

Нет, Гордон не смеялся. Он менее всего был склонен смеяться — Стигс это понял. Взгляд Гордона был обращен к нему, он требовал и вопрошал — мягко, настойчиво, сурово.

— Цель науки в познании... в отыскании истины.

— Какой истины?

— Какой... что? Всеобщей истины! Природа...

— Оставим природу в покое. Расскажите лучше о себе. Все, с самого начала.

Гордон прикрыл глаза.

Переборов замешательство, Стигс начал было рассказывать, но очень скоро Гордон остановил его слабым жестом.

— Нет же, — проговорил он мягко. — Забудьте, что существуют семинары, лаборатории, научные библиотеки. Я хочу услышать о вашей жизни, а не о том, что вы думали о стационарной Вселенной на третьем курсе и какие экспериментальные трудности преодолели в своей первой самостоятельной работе.

Стигс изумился. Он же рассказывал именно о жизни! О том главным, что в ней было. Чего же еще хотел Гордон? Неужто великого ученого могла интересовать история двух-трех его кратковременных увлечений или тщеславная мечта студента быть нападающим факультетской команды? Стигс быстро перебрал прошлое, все, что не имело связи с наукой, но припомнились такие житейские пустяки, о которых здесь было даже неловко говорить. Когда машина ныряет в тоннель, что, кроме гирлянды фонарей и серых полос бетона, может запомнить погруженный в свои мысли пассажир? Стигс вдруг с удивлением подумал, что его жизнь вне стен лаборатории похожа на такой тоннель, хотя в ней были и развлечения и мелкие (тогда они казались крупными) неурядицы. Много было, но все слилось в какую-то неяркую однообразную полосу, особенно бесцветную по сравнению с теми переживаниями, которые ему доставляла работа.

Все же Стигс покорно продолжил рассказ, явственно ощущая, что от него чем дальше, тем все более веет скукой.

И вдобавок непонятно было, слушает ли его Гордон, думает о чем-то своем или по-стариковски дремлет.

Наконец Стигс запнулся и умолк. Гордон открыл глаза.

— Должен разочаровать вас, друг мой. Левоспиральные фотоны — это иллюзия...

«Он говорит как шеф!» — побледнел Стигс.

— ...Не все теоретически возможное осуществляется в природе. Манящий огонек, болотный дух — вот что такое левоспиральный фотон. К сожалению, такие огоньки всегда горят по обочинам науки. Я сам погнался за ним и потерял пять лет — каких лет! И Фьюа, Шеррингтон, Бродецкий тоже. Не хватит ли жертв? Вы молоды, судя по вашим статьям, талантливы, не теряйте зря времени. Вот мой совет.

— Но «эффект Борисова»... Вы стучались в парадный вход, а там голая стена... может быть, с черного хода...

— Ни с черного, ни с парадного нельзя проникнуть в то, чего нет. Едва Борисов открыл свой эффект, я тотчас пересмотрел все выводы. Ошибки нет. Ваш путь нераслен.

— Но почему? Почему? Где я ошибся? В чем? Покажите!

Это было почти кощунством — требовать объяснения у Гордона, дряхлого восьмидесятилетнего Гордона. Требовать после того, как он твердо дал понять, что его слова — истина. Но нет, сейчас в этой комнате, где возникла единая теория поля, это не было святотатством. Оба они — и Стигс и Гордон — подчинялись одному закону, который был выше их, и этот закон обязывал Гордона представить доказательства. Он не мог его нарушить, иначе бы наука превратилась в религию, а он — в первосвященника.

— Что ж...

Стопка бумаги лежала на столике перед Гордоном. Он взял чистый лист, бережно разгладил, узловатые, плохо гнущиеся пальцы зажали ручку, и из-под пера суровыми шеренгами двинулись математические символы.

Это был приговор. Запрет очерчивался неумолимо, частокол знаков был крепче надолб, выше железобетонных стен. Гордон спокойно перегораживал мечте путь, и просвет делался все уже, уже... Холодея, Стигс следил за неотвратимой поступью строк, за уверенным бегом пера, за жестокой логикой доказательств. Вот сейчас перо клонет бумагу в последний раз...

Перо чуть загнулось, дрогнуло, помедлило...

— Дальше и так, надеюсь, ясно, — устало проговорил Гордон, отстраняя бумагу.

Он зябко потер руки и спрятал их под плед.

Стигсу показалось, что он сошел с ума! Приговор был написан, на нем стояла подпись и печать, но в доказательствах была брешь! Крошечная, почти неразличимая... С молниеносностью, его самого поразившей, Стигс разом охватил всю цепь доводов, мысль Гордона стала его мыслью, он додумал ее и...

Этого не могло быть!!! Но это было. Брешь не закрывалась. Ее нельзя было закрыть.

Стигс поднял глаза и едва не закричал. Перед ним был другой Гордон. Сгорбленный, немощный, с запавшим ртом, коричневыми пятнами старости на дряблых щеках. Он уже не выглядел так, каким он был на самом деле, а не таким, каким его дорисовывало воображение. И Стигс чуть не разрыдался.

— Догадались все-таки... — прошелестел голос Гордона, и голова старика опустилась еще ниже. — У вас хватило смелости не поверить, и вот... Да, ваш путь тоже реален. Реален, потому что левоспиральные фотоны существуют. Я это обнаружил восемнадцать лет назад...

Стигс был безмолвен. В нем рушился мир. Падали звезды, обваливалось небо, умирали боги. Умирал он сам.

Рука Гордона узкой сморщенной ящерницей выскользнула из-под пледа и коснулась его плеча.

— Соберитесь с духом... Я спросил вас — помните? — что стоит за свойствами левоспирального фотона. Вы не ответили. Вы не думали над этим. Отвечу я. В чем цель науки?

— В чем? — эхом ответил Стигс.

— В счастье человечества. Если наука не будет делать людей счастливой, то зачем она? Знания — это оружие, и если ученому безразлично, куда оно повернуто, то чем он отличается от солдата-наемника? Вы и над этим не думали, Стигс. Вы хотите найти левоспиральные фотоны — частицы, которые движутся к нам из будущего. Вы их откроете, как в свое время открыл я. А дальше? Дальше практика. Люди научатся видеть будущее. И управлять им, поскольку естественный ход событий, если знать, каков он, корректируем. Счастливым ли станет человечество? Оглянитесь вокруг, Стигс. Банкир пойдет на все ради сохранения своих капиталов, диктатор — ради сохранения своей диктатуры, карьерист — ради сохранения кресла. Тьма людей заинтересована в сохранении сегодняшнего порядка. Будущее им враждебно, ибо они догадываются, чем оно им гро-

зит... Они и сейчас пытаются его предотвратить — вслепую. Этим людям вы дарите власть над будущим. Они уничтожат его, Стигс.

Помолчите, вы еще не все поняли. Утверждают, что Роджер Бэкон, открыв порох, засекретил свое открытие от всех, ибо предвидел, чем оно обернется. Благородный, но бесполезный жест. Полвека назад физики добровольно ввели самоцензуру, чтобы информация об их работах по расщеплению ядра не попала к нацистам. Поступив так, они тут же отдали свои знания Америке. Кончилось это Хиросимой. Но даже если бы они заперли свои лаборатории, то нашлись бы другие, которые все равно сделали бомбу. Не обязательно из чувства патриотизма; вполне достаточно чистой любознательности. Обдумав уроки прошлого, я решил поступить иначе, когда открыл левоспиральный фотон. Я объявил его несуществующим. Я сказал мировой науке, что искать его бессмысленно. Доказательством были результаты экспериментов — фальсифицированные результаты. И мой авторитет. Я положил его, как колоду, поперек тропинки. О, я не оболещался! Я знал, что когда-нибудь где-нибудь появится такой юнец, как вы, которого не устроит мой запрет. Но мне важно было выиграть время. К счастью, опыты по обнаружению левоспирального фотона требуют денег. Оттянуть открытие во что бы то ни стало! Ведь еще полвека — нет, меньше! — и в мире все разительно переменится. Тогда люди станут заглядывать в будущее лишь затем, чтобы предвидеть стихийные бедствия, лечить болезни до их возникновения. В это я верю. Я нарушил законы науки. Но не добра! И не вам меня судить.

— Я не сужу... — с трудом, точно ему не хватало воздуха, выговорил Стигс. — Но как же Фьюа, Шеррингтон, Бродецкий?! — вдруг закричал он.

Гордон вскинул голову.

— Покойный Фьюа, покойный Шеррингтон, покойный Бродецкий были моими друзьями, — торжественно проговорил он.

И внезапно Стигс снова почувствовал себя маленьким-маленьким перед этим стариком, чей взгляд был полон гордого достоинства, чье лицо сейчас было точно таким, каким юный Стигс видел его на страницах учебников.

— Они были моими друзьями, и они тоже пожертвовали своей репутацией бесстрастных служителей истины! Мы вместе сказали «нет», когда было «да», и, если бы они были живы, они снова сказали бы «нет». Тысячи раз сказали бы «нет».

А теперь уходите, — голос Гордона упал. — Я мог бы позвонить шефу и высмеять ваш проект. Но статья подлецом не в моей власти. Я напишу, что опыты ставить нужно... Вы найдете левоспиральный фотон. И ваши портреты будут во всех учебниках. Если же вы не найдете... найдете его так, как нашел я... вы здорово повредите себе. И оттянете время еще на десятилетия. Выбирайте.

